

Л. Троцкий. **БОНАПАРТИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ГОСУДАРСТВА**

Центральным местом доклада Сталина на 18-ом съезде партии в Москве была, несомненно, возведенная им новая теория государства. Сталин пустился в эту рискованную область не в силу прирожденной склонности, а в силу необходимости. Только недавно были смещены и растоптаны правоверные сталинцы, юристы Крыленко и Пашуканис, за повторение мыслей Маркса, Энгельса и Ленина о том, что социализм означает постепенное отмирание государства. Нынешний Кремль с этой теорией мириться никак не может. Уже отмирать? Бюрократия только еще собирается жить. Крыленко и Пашуканис - явные "вредители".

Да и окружающая действительность плохо мирится с обрывками старой теории. Рабочие прикреплены к заводам. Крестьяне прикреплены к колхозам. Введены паспорта. Свобода передвижения отменена. Опоздания на работу приравнены к уголовным преступлениям. Не только критика Сталина, но простое уклонение от натуральной повинности: становиться перед "вождем" на четвереньки, карается, как измена. Границы государства окружены непрерывной цепью пограничных войск и полицейских собак, как нигде и никогда в мире. Практически никого не выпускают и никого не впускают. Иностранцы, попавшие раньше в страну, систематически истребляются. Сущность советской конституции, "самой демократической в мире", состоит в том, что каждый гражданин обязан в определенные часы голосовать за единственного кандидата, указанного Сталиным или его агентами. Печать, радио, пропаганда, агитация, народное просвещение находятся целиком в руках правящей клики. Из партии за пять лет исключено, по официальным данным, не менее полумиллиона. Какая часть из них расстреляна, заключена в тюрьмы и концентрационные лагеря, выслана на окраины, мы точно не знаем. Но дело идет во всяком случае о сотнях тысяч, разделяющих участь миллионов беспартийных. Этим миллионам, их семьям, родственникам и друзьям трудно было бы втолковать в головы, что сталинское государство отмирает. Оно душит других, но само нисколько не отмирает. Наоборот, оно достигло такого бешеного напряжения, равного которому не знала человеческая история.

Между тем социализм объявлен осуществленным. Согласно официальной версии, страна находится на пути к полному коммунизму. Кто сомневается, того Берия убедит. Но тут открывается основное затруднение. Если верить Марксу, Энгельсу и Ленину, государство есть организация классового господства. Все другие определения государства марксизм давно разоблачил, как теоретические фальсификации, служащие для прикрытия интересов эксплуататоров. Что же означает в таком случае государство в стране, где "классы уничтожены"? Над этим вопросом кремлевские мудрецы не раз ломали себе головы. Прежде всего они, арестовали, конечно, всех тех, которые напоминали им о марксистской теории государства. Но этого одного оказалось недостаточно. Нужно было дать хоть подобие теоретического объяснения сталинского абсолютизма. Такое объяснение давалось в два приема. В период 17-го съезда, пять лет тому назад, Сталин и Молотов разъяснили, что полицейское государство необходимо для борьбы с "остатками" старых господствующих классов и особенно с "осколками" троцкизма. Правда, говорили они, эти остатки и осколки ничтожны. Но они крайне "ожесточены". Поэтому для борьбы с ними необходимы высшая бдительность и беспощадность. Теория эта больше всего поражала своей глупостью. Почему для борьбы с бессильными "остатками" понадобилось тоталитарное государство, тогда как для низвержения самих господствующих классов вполне достаточно было советской демократии? На этот вопрос никто не дал ответа.

Однако, и помимо этого теорию эпохи 17-го съезда пришлось оставить. Последние пять лет ушли в значительной мере на истребление "осколков троцкизма". Партия, правительство, армия, дипломатия оказались обезглавлены и обескровлены. Дело зашло так далеко, что Сталин на последнем съезде вынужден был для успокоения своего собственного аппарата обещать, что в дальнейшем не будет прибегать к суммарным чисткам. Это, конечно, неправда: бонапартистское государство вынуждено будет и впредь пожирать общество, не только духовно, но и физически. Однако, Сталин в этом признаться не может. Он клянется, что чистки не возобновятся. Но если так, если "осколки" троцкизма вместе с "остатками" старых господствующих классов истреблены окончательно, то спрашивается: против кого же нужно государство?

Сталин на этот раз отвечает: "необходимость государства вызывается капиталистическим окружением и вытекающими из него опасностями для страны социализма". Со свойственной ему семинарской монотонностью, он повторяет и варьирует эту мысль на несколько ладов: "отпала, отмерла функция военного подавления внутри страны..., сохранилась полностью функция военной защиты страны от нападений извне". И дальше: "что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов".

Допустим на минуту, что все это так и есть. Допустим, что необходимость сохранения и усиления централизованного бюрократического аппарата вызывается исключительно давлением империализма. Но государство есть, по самому существу своему, власть человека над человеком. Социализм же имеет своей задачей ликвидировать власть человека над человеком во всех ее формах. Если государство не только сохраняется, но крепнет и становится все более свирепым, значит социализм еще не осуществлен. Если привилегированный государственный аппарат является плодом капиталистического окружения, значит в капиталистическом окружении, в отдельной социалистической стране, социализм невозможен. Так, пытаясь вытащить хвост, Сталин увязил нос. Оправдывая свою бонапартистскую власть, он мимоходом опроверг свою основную теорию: о построении социализма в отдельной стране.

Однако, новая теория Сталина верна лишь в той части, в какой она опровергает его старую теорию; во всем остальном она никуда не годна. Разумеется для борьбы с империалистской опасностью рабочее государство нуждается в армии, в командном составе, в разведке и пр. Значит ли это, однако, что рабочее государство нуждается в полковниках, генералах и маршалах, с соответственными окладами и привилегиями? 31 октября 1920 года, когда в спартанской Красной армии еще не было особого офицерского корпуса, в особом приказе по армии говорилось: "внутри военной организации... существует неравенство - в одних случаях вполне объяснимое и неизбежное, но в других - совершенно не вызываемое необходимостью, чрезмерное, иногда прямо преступное". Заключительная часть приказа гласила: "Не ставя себе невыполнимой задачи немедленного устранения всех и всяких преимуществ в армии, систематически стремиться к тому, чтобы эти преимущества были сведены действительно к необходимому минимуму. Устранить в возможно короткий срок все те преимущества, которые отнюдь не вытекают из потребностей военного дела и неизбежно оскорбляют чувство равенства и товарищества в красноармейцах". Такова была основная линия советской власти того периода. Ныне политика идет в прямо противоположном направлении. А раз правящая каста, военная и гражданская, растет и усиливается, то это означает, что общество удаляется от социалистического идеала, а не приближается к нему, - независимо от того, кто более виноват в этом: внешние империалисты или внутренние бонапартисты.

Не иначе обстоит дело и с разведкой, в которой Сталин видит квинтэссенцию государства. "Разведка необходима, - поучал он съезд, на котором агенты ГПУ составляли чуть ли не большинство, - для вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засылаемых в нашу страну иностранной разведкой". Никто, конечно, не станет отрицать необходимости разведки против происков империализма. Весь вопрос, однако, в том, какое место занимают органы этой разведки по отношению к самим советским гражданам. Общество без классов не может не быть связано внутренней солидарностью. Об этой солидарности, пресловутой "монолитности", Сталин говорил в докладе много раз. Между тем шпионы, вредители, саботажники нуждаются в прикрытии, в сочувственной среде. Чем выше солидарность общества и его привязанность к существующему режиму, тем меньше простора для антисоциальных элементов. Как же объяснить, что в СССР, если верить Сталину, совершаются на каждом шагу такие преступления, подобных которым не встретить в загнивающем буржуазном обществе? Не достаточно ведь одной злой воли империалистских государств! Действие микробов определяется не столько их вирулентностью, сколько силой сопротивления живого организма. Каким же образом в "монолитном" социалистическом обществе империалисты могут находить бесчисленное количество агентов, притом на самых выдающихся постах? Или иначе: каким образом шпионы и диверсанты могут занимать в социалистическом обществе посты членов и даже глав правительства, членов Политбюро и самых ответственных вождей армии? Наконец, если социалистическое общество в такой степени лишено внутренней упругости, что спасти его приходится посредством всемогущей универсальной и тоталитарной разведки, то дело выглядит очень плохо, раз во главе самой разведки оказываются негодяи, которых приходится расстреливать, как Ягоду, или с позором прогонять, как Ежова. На что же надеяться? На Берию? Но и его час пробьет!

На самом деле, как известно, ГПУ истребляет вовсе не шпионов и империалистских агентов, а политических противников правящей клики. Сталин пытается просто поднять свои собственные подлоги на "теоретическую" высоту. Каковы, однако, те причины, которые вынуждают бюрократию маскировать свои действительные цели и именовать своих революционных противников иностранными шпионами? Империалистское окружение этих подлогов не объясняет. Причины должны быть внутреннего порядка, т.е. вытекать из структуры самого советского общества.

Попробуем найти у самого Сталина дополнительные указания. "Вместо функции подавления, - говорит он вне всякой связи со всем остальным - появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра". Оказывается, таким образом, что государство существует не только против иностранных шпионов, но и против своих собственных воров, причем роль этих воров так значительна, что оправдывает существование тоталитарной диктатуры и даже ложится в основу новой философии государства. Совершенно очевидно, что если одни люди воруют у других, значит в обществе еще царят жестокая нужда и резкое неравенство, провоцирующие на воровство. Здесь мы подходим ближе к корню вещей. Социальное неравенство и нужда - очень серьезные исторические факторы, которые уже сами по себе объясняют существование государства. Неравенство всегда нуждается в охране, привилегии требуют защиты, посягательства обездоленных требуют кары: в этом ведь и состоит функция исторического государства!

По поводу структуры "социалистического" общества в докладе Сталина крайне важно не то, что он сказал, а то, о чем он умолчал. Численность рабочих и служащих поднялась, по его словам, с 22 миллионов человек в 1933 году, до 28 миллионов в 1938 году. Категория "служащих" охватывает здесь не только приказчиков в кооперативе, но и членов Совнаркома. Рабочие и служащие соединены здесь вместе, как всегда в советской

статистике, чтобы не обнаруживать, как многочисленна и как быстро растет бюрократия, а главное, как быстро растут ее доходы.

За пять лет, протекших между двумя съездами, годовой фонд заработной платы рабочих и служащих вырос, по словам Сталина, с 35 миллиардов до 96 миллиардов, т.-е. почти в три раза (если оставить в стороне изменение покупательной силы рубля). Как распределяются, однако, эти 96 миллиардов между рабочими и служащими разных категорий? На этот счет ни слова. Сталин сообщает нам лишь, что "среднегодовая заработная плата рабочих промышленности, составлявшая в 1933 году 1.513 рублей, поднялась до 3.447 рублей в 1938 году". Здесь говорится неожиданно только о рабочих; но не трудно показать, что дело идет по прежнему о рабочих и служащих: достаточно помножить среднегодовую заработную плату (3.447 рублей) на общее число рабочих и служащих (28 миллионов), и мы получим указанный Сталиным общий годовой фонд заработной платы рабочих и служащих, именно 96 миллиардов рублей. Чтоб прикрасить положение рабочих, "вождь" позволяет себе, следовательно, грубейшую подтасовку, которой постыдился бы наименее добросовестный капиталистический журналист. Средняя годовая плата в 3.447 рублей, если оставить в стороне изменение покупательной силы денег, означает, следовательно, лишь то, что, если сложить заработную плату чернорабочих, квалифицированных рабочих, стахановцев, инженеров, директоров трестов и народных комиссаров промышленности, то в среднем получится на душу менее 3.500 рублей в год. Насколько повысилась за пять лет оплата рабочих, инженеров и высшего персонала? Сколько приходится ныне в год на чернорабочего? Об этом ни слова. К средним цифрам заработной платы, дохода и пр. прибегали всегда наиболее низкопробные апологеты буржуазии. В культурных странах этот метод почти оставлен, так как он не способен больше обмануть никого. Зато он стал излюбленным методом в стране осуществленного социализма, где все социальные отношения должны были бы отличаться полной прозрачностью. "Социализм - это учет", говорил Ленин. "Социализм - это надувательство", учит Сталин.

Было бы, сверх всего прочего, грубейшей ошибкой думать, будто в данную Сталиным среднюю цифру включены все доходы высших "служащих", т.-е. правящей касты. На самом деле вдобавок к официальному, сравнительно скромному жалованью, так называемые, "ответственные работники" получают секретное жалованье из кассы Центрального или местных комитетов; пользуются автомобилями (существуют даже особые заводы для производства автомобилей высшего качества для "ответственных работников"), прекрасными квартирами, дачами, санаториями, больницами. Для их нужд или для их тщеславия строятся всякого рода "советские дворцы". Они почти монопольно владеют высшими учебными заведениями, театрами и пр. Все эти гигантские доходы (для государства - расходы), конечно, не входят в те 96 миллиардов, о которых говорил Сталин. Несмотря на это, Сталин не смеет даже подойти к вопросу о том, как легальный фонд заработной платы (96 миллиардов) распределяется между рабочими и служащими, между чернорабочими и стахановцами, между низшими служащими и высшими. Можно не сомневаться, что львиная доля прироста официального фонда заработной платы ушла на стахановщину, премии инженерам и пр. Орудяя при помощи средних цифр, правильность которых сама по себе внушает никакого доверия; соединяя в одну категорию рабочих и служащих; растворяя в служащих высшую бюрократию; умалчивая о многомиллиардных секретных фондах; "забывая" при определении "средней заработной платы" упомянуть о служащих и говоря только о рабочих, Сталин преследует простую цель: обмануть рабочих, обмануть весь мир, скрыв колоссальные и все возрастающие доходы касты привилегированных.

"Защита социалистической собственности от воров и расхитителей", означает, таким образом, на девять десятых защиту доходов бюрократии от покушений со стороны непривилегированных слоев населения. Не мешает еще прибавить, что тайные доходы бюрократии, не имеющие никакой опоры не только в принципах социализма, но и в законах страны, являются ничем иным, как воровством. Кроме этого легализованного воровства, имеется нелегальное сворховоровство, на которое Сталин вынужден закрывать глаза, потому что воры - его лучшая опора. Бонапартистский аппарат государства является, таким образом, органом для охраны бюрократических воров и расхитителей народного достояния. Эта теоретическая формула будет гораздо ближе к истине.

Сталин вынужден лгать насчет социальной природы своего государства по той же причине, по которой он вынужден лгать насчет заработной платы рабочих; в том и в другом случае он выступает, как представитель привилегированных паразитов. В стране, прошедшей через пролетарскую революцию, невозможно культивировать неравенство, создавать аристократию, накапливать привилегии иначе, как обрушивая на массы потоки лжи и все более чудовищные репрессии.

Хищение и воровство, основные источники доходов бюрократии, не являются системой эксплуатации в научном смысле слова. Но с точки зрения интересов и положения народных масс, это неизмеримо хуже всякой "органической" эксплуатации. Бюрократия не есть, в научном смысле слова имущий класс. Но она включает в себе, в удесятеренном размере, все пороки имущего класса. Именно отсутствие сложившихся классовых отношений и прямая невозможность их на социальных основах Октябрьской революции придают работе государственной машины конвульсивный характер. Для охраны систематического воровства бюрократии, ее аппарат вынужден прибегать к систематическим актам разбоя. Все вместе создает систему бонапартистского гангстеризма.

Думать, что это государство способно мирно "отмереть", значило бы жить в мире теоретического бреда. Бонапартистскую касту нужно разгромить. Советское государство нужно возродить. Тогда только откроется перспектива отмирания государства.

Л. Троцкий.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)
N 77-78.